

ЖАННА

Мне едва исполнилось шестнадцать лет, когда я увидела медный лик своей Судьбы, а Судьба взглянула на меня. Дождь полился с земли на небо, дерево выросло вверх корнями, я посмотрела на образ Господа Всезрящего, а он улыбнулся и подмигнул — вот до такой степени всё стало странно и нелепо, хотя начиналось чрезвычайно обыденно, самым что ни на есть ожидаемым образом.

Я воспитывалась в монастыре Великомученицы Ангелины, потому что так пожелали мой отец, государь Северного Приморья, и отец моего жениха, государь Трёх Островов. Жизнь моя текла однообразно и неспешно, так же как медленная и ленивая равнинная река, на которую я каждый день смотрела из окна моей кельи. Мои дни отличались от дней прочих монахинь только тем, что дважды в неделю ко мне приходили учительница танцев с наставницей в языке Трёх Островов и придворном этикете, а трижды — старенький профессор истории и права, который говорил любопытнейшие вещи, когда не кашлял. Всё прочее время было совершенно обыкновенно. Я тоже

МАКС ДАЛИН

вышивала наалтарные покрывала, я тоже пела в монастырском хоре, я тоже гуляла в саду — разве что мне было отказано в удовольствии ухаживать за цветами, дабы грубый крестьянский труд не испортил моих рук. И скучный мир царил в моей душе — я знала наперёд всё, что произойдёт со мной в моей дальнейшей жизни.

Я точно знала, что шестнадцать лет покину стены монастыря, чтобы отправиться в далёкое морское путешествие. Корабль, который снарядит мой отец, после долгого пути достигнет западного берега страны, где живёт мой суженый и где мне суждено стать королевой. Портрет принца Трёх Островов, Антония, давным-давно висел в моей келье, напротив образа; я и привыкла к нему не меньше, чем к образу. Не знаю, любила ли я, желала ли любить подобно всем девушкам — или просто смирилась с неизбежным и приняла его. Беленький подросток с тяжёлым подбородком и чуточку капризным выражением лица, в тяжёлом бархате тёмных цветов, на фоне тяжёлых тёмных драпировок — на портрете он был изображён одиннадцатилетним; я понятия не имела, как он выглядел сейчас, девятнадцатилетним юношей. Тем более я даже представить себе не могла, каковы его нрав, убеждения и симпатии, желает ли он видеть меня хоть чуть-чуть и не кажется ли ему мой портрет, для которого я в своё время позировала целый месяц, докучным пятном на стене.

Итак, иногда принималась размышлять я, там, на Островах, я стану первой дамой, поселюсь во дворце,

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

меня будет окружать сонм фрейлин, мне будут вдевать нитку в иголку, декламировать стихи, играть на клавикордах... Меня окружают чужие люди, говорящие на чужом языке, который я учу уже пятый год, но на котором так и не научилась думать, — вряд ли кто-нибудь станет искренне хорошо ко мне относиться. Я навсегда останусь для двора моего мужа чужеземкой — так бывает со всеми. Я спасусь от страха и одиночества тем, что заведу прелестную маленькую собаку, белую с чёрной мордочкой, какую я видела у знатной дамы, заезжавшей в монастырь на исповедь. Я буду присутствовать на турнирах, охотах, балах, церковных службах. Мне будут говорить дежурные любезности. Потом у меня родятся дети — Господь знает, как это произойдёт, но так полагается даме. Мой старший сын примет титул наследного принца. Так всё и пойдёт до самой моей смерти. Всё очень просто и ясно.

От этой простоты и ясности я пребывала в какой-то сонной апатии, будто пойманная и запертая в клетку рысь. На моей жизни стоял крест, как на аккуратном и грамотно составленном, но уже апробированном документе. Никаких смятений, бурь и греховных страстей не намечалось — им просто неоткуда было взяться. Я жила подобно узнице — без особых ущемлений и лишений, но иногда мне почти хотелось и того и другого. Будь у меня крылья — я попыталась бы улететь; будь у меня достаточно решимости и безрассудства — я прыгнула бы с монастырской стены и без крыльев, чтобы разбиться вдребезги и покончить с этой бес-

МАКС ДАЛИН

конечной вялой никчёмностью. Ни одной струйки свежего воздуха не пробивалось снаружи. Романы о прекрасной любви по непонятной причине нагоняли на меня тоску, а не сладостные мечты — а кроме них, душеспасительных историй, житий святых и пособий по этикету, более ничего в монастырской библиотеке не было.

Мне говорили, что я не глупа, но я ни с кем не сходилась близко. Меня не любили, хотя я не давала повода для нелюбви, стараясь быть со всеми вежливой и приветливой. Пустяки, развлекавшие других узниц из аристократических семей, казались мне невыносимо скучными. Девушки мечтали о влюблённых красавцах и придворном блеске, завидуя мне, — а я не хотела быть первой дамой. Сейчас я не могу сказать, кем мне хотелось бы стать.

Может быть, кошкой, охотящейся на воробьёв. Или боевым конём. Или крестьянской девчонкой, которая гоняла мимо монастырской ограды гусей и бранила их непонятными словами. Или ласточкой. Не знаю.

Иногда я втайне от всех, даже от своего духовника, жарко молилась, прося Господа сделать что-нибудь выходящее из ряда вон, пусть самое невообразимое и ужасное. Вероятно, я, ещё почти безгрешное дитя, влагала в эти молитвы чрезмерно много страстной веры — как бы то ни было, Господь ли их услышал, та ли богиня, о которой речь впереди, но они оказались угодными небесам...

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

В день моего шестнадцатилетия за мной приехали тётя с дядей в сопровождении пышной свиты. Меня впервые за пять лет одели в светский костюм; дорожные робы с тесным лифом показались мне неудобными и тяжёлыми, но я снова видела зависть в глазах моих якобы подружек, оттого промолчала.

На прощание я исповедалась, слегка умолчав о некоторых своих не слишком праведных мыслях. Со мной якобы тепло расстались.

Когда в сопровождении тётки я вышла из монастырских ворот, почти все бароны из дядиной свиты уставились на меня как на заморское диво, а дядя завопил басом: «Душечка, какая вы стали чудесная красавица!» Тётя побагровела, став похожа лицом на сердитую моську, напряжённо улыбнулась и велела мне садиться в дормез, где лежали подушки и неподвижно висел пыльный запах.

Нет смысла особенно подробно описывать дорогу. Стояла пыльная жара конца июня. Мне надлежало радоваться возможности вырваться, наконец, из клетки, но было неловко в платье, душно в дормезе и тяжело на душе. Тётке всё время казалось, что я веду себя неприлично: если я пыталась выглядывать за занавеску, следя за дорогой, это было неприлично распушено, если я сидела смиренно, сложив руки, и молчала, это было неприлично замкнуто. Тётка, которой я в детстве была нелюбопытна и безразлична, теперь невзлюбила меня не на шутку. Неужели, думала я с горечью, дело только в том, что дядя нашёл меня привлекательной?

МАКС ДАЛИН

Это было как-то даже смешно, потому что я сама нашла его не более привлекательным внешне, чем дубовый бочонок на коротких толстых ножках. Впрочем, дядя был добр со мной; я бы стала беседовать с ним, если бы тётя позволила ему хотя бы приблизиться к дормезу.

Кроме тётки в дормезе ехали три пожилые дамы, которые полностью разделяли точку зрения своей госпожи и всю дорогу учили меня манерам и скромности. Одна из них, сухая, с лицом, похожим на опавший лист в ноябре, сказала, что девушку не доведёт до добра такое сочетание чрезмерной красоты, чрезмерной гордыни и чрезмерного здравого смысла. Все прочие с ней согласились.

Я чувствовала себя отчаянно одинокой.

До портового города, где в Белом Замке меня дожидались отец с матерью, чтобы благословить и проводить в дорогу, а у причала ожидал тот самый, снаряжённый для свадебного путешествия, корабль, кортеж добирался неделю. Первую ночь я провела на постоялом дворе, где от простыней отчего-то сильно пахло рыбой, а под ними жили клопы. Это, вероятно, покорило бы более благовоспитанную девицу, но мне показалось попросту смешным. К тому же прислуга была очень добра и мила со мной; весёлый молодой лакей угостил меня пирожками с малиной и показал целый выводок слепых котят в лукошке, чем очень меня позабавил, а служанки принесли в мою комнату букет полосатых лилий и распахнули окна, отчего в комнате стало свежо. Несмотря на клопов, я разве-

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

селилась, но тётя испортила мне хорошее расположение духа, сказав, что я распускаю холопов. Больше мы не ночевали на постоянных дворах, и мне пришлось спать в душном тесном дормезе, полночи слушая по-свистывание спящей сухой дамы и залиvistый, мелодически сложный храп тётя.

Возразить мне не дали.

Против воли я ждала встречи с отцом и матерью чрезвычайно нетерпеливо. Чем ближе наш кортеж подъезжал к городу, тем сильнее меня жгло ожидание; я едва справлялась с собой, плела в косички бахрому на занавесках дормеза, крутила бусины на шитье и порвала чётки. Эти безрассудные действия вызвали недовольство тётя и её придворных дам, надо признаться, на сей раз вполне заслуженное.

Я ведь знала, что в действительности меня ждёт. Моему отцу, великому государю Эдуарду, никогда не было дела до меня... то есть он не был жесток, его волновало, здорова ли я, хороша ли еда на моём столе, усердно ли ухаживают за моими постелью, одеждой и посудой — но более не интересовало ничего. В раннем детстве я однажды слышала, как отец осведомляется у конюшего о здоровье своего охотничьего жеребца — и меня на всю жизнь поразила схожесть интонаций в той подслушанной реплике и в отцовских расспросах о моём собственном здоровье. Полагаю, с государственной точки зрения принцесса была не менее полезной скотиной, чем лошадь: ведь устройство её

МАКС ДАЛИН

брака могло принести ощутимые дипломатические выгоды престолу.

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что отец всё же проявлял заботу о моём благополучии, по крайней мере, признавая эту полезность. Мать не признавала во мне ничего хорошего. Кто-то из её фрейлин говорил, что королева бывает нежна с сыновьями – возможно, но я не видела её нежности, почти не видела своих братьев и чрезвычайно редко видела мать. Моим детским окружением были няньки, наставницы и камеристки – мать лишь иногда входила в мои покои со скучающим вялым лицом, небрежно окидывала меня взглядом, морщилась и удалялась. В детстве я полагала, что мать измучена государственными делами, не оставляющими ей ни одной свободной минуты, что она устала и хочет отдохнуть; теперь мне казалось, что королева всегда очень мало любила меня.

Но почему-то я решила, что нынче, когда я стала взрослой девушкой, всё изменится. Недаром же я изучала эти пять лет и историю, и дипломатию, и основы права – может быть, отец теперь захочет побеседовать со мной, думала я. Теперь я смогу хотя бы отчасти, с примесью женской непоследовательности и легкомыслия, разобраться в его сложных делах. К тому же надо будет выразить матери сочувствие по поводу обременительных придворных обязанностей, чтобы она догадалась: я стала достаточно разумной и теперь хорошо понимаю её.

Сейчас я сознаю, как в те дни была глупа и ребячлива. Но тогда весь этот смешной вздор казался мне

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

вершиной утончённой политики и чем-то исключительным в смысле постижения чувств и сложных движений чужой души.

Кортеж встречали герольды под златоткаными штандартами, музыканты с рожками и самая блестящая знать, какую я могла себе представить. Дормез окружили всадники в сияющих кирасах, с плюмажами на шлемах и щитами с королевским гербом. Дорога от городских ворот до Белого Замка была усыпана цветами. Бедный люд, толпясь по обочинам, кричал: «Да здравствует принцесса! Счастья тебе, прекрасная!» Тётя, против своих обычных правил, заставила меня широко раздвинуть занавески, чтобы горожане видели моё лицо, и дала мне мешочек с мелкой монетой, чтобы я могла творить милостыню.

Признаться, я была счастлива одарить этих добрых людей хоть чем-то. Меня тронула их непосредственная радость. Весёлая чумазая девчонка кинула мне какой-то простенький цветок с жёлтой серединкой, и я сочла милым приколоть его к корсажу. Это вызвало восторг толпы — и в дормез бросали цветами, пока он не въехал во двор замка.

У меня на душе стало светло и весело. Я наивно радовалась, что простой люд так любит меня, и сама любила весь мир Божий. Моя душа начала пробуждаться; вдруг показалось, что всё, наконец, изменилось, и жизнь моя теперь будет весела и полна смысла. Когда мне позволили покинуть дормез, я выскочила, забыв о тяжести светского костюма, — и тётя тут же ткнула

МАКС ДАЛИН

меня в спину, напоминая, что надлежит вести себя прилично.

Этот тычок и вернул меня с небес на землю. Я тут же прекратила скакать, как двухмесячный щенок, приподняла подол робы и сделала строгое благочестивое лицо. Моя радость омрачилась.

Отец сделал несколько шагов мне навстречу. Он был очень богато одет, но я сочла, что прошедшие со дня нашей последней встречи годы сильно утомили его. Я робко улыбнулась. Он слегка обнял меня, потом отстранил и осмотрел с деловитой внимательностью.

— Ну, — сказал он удовлетворённо, закончив осмотр, — вы, дитя моё, выглядите отменно здоровой и свежей. У наших соседей не будет ни малейших поводов к неудовольствию. Полагаю, время, проведённое в святых стенах, пошло на пользу вашему характеру, и вы стали сдержаннее и послушнее.

— Я... — пробормотала я, кажется, желая уверить отца в своём послушании, сдержанности, благонравии и всем прочем, но он меня перебил:

— Ну ладно. Сегодня в три часа пополудни вас благословит патриарх Улаф, в пять часов начнётся пир в вашу честь, а в одиннадцать часов, когда стемнеет, состоится огненная потеха и маскарад. А отплываете вы утром.

— Я... — пролепетала я, совершенно растерявшись, но отец меня снова перебил, не позволив высказать желание остаться дома хотя бы на два дня:

— Ваше приданое готово, — сказал он. — Ваши наряды сделаны по последней северо-западной моде и

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

должны на вас отменно смотреться. Свадебное бельё вышивали в Снежном Поместье, а сервиз мы заказали в Каменном Ущелье, у них там самые лучшие чеканщики. Всё сплошь золото с сапфирами, на всей утвари — гербы нашего дома, так что выглядеть будет очень достойно. От себя я вам дарю сапфировую диадему — мне кажется, синие камни вам пойдут. Вас будут сопровождать пять девиц из самых благородных семейств и дуэньи вашей тётки. Так что вы можете быть вполне спокойны за ваше будущее.

Закончив эту тираду, отец улыбнулся сухо и деловито, как и говорил, изобразил поцелуй, чуть коснувшись холодными губами моего лба, и закончил:

— Пойдите к матери. Она желала вас видеть.

Я отошла оглушённая. Я поняла, что отец доволен моим содержанием в монастырских конюшнях, что со свойственной ему заботливостью он распорядился, чтобы овёс у меня в яслях был отборный, чтобы попоны были вышиты шёлком, а сбруя проклепана золотом. Чтобы ему было не стыдно и принцу Антонию не зазорно.

А принцессу, как и лошадь, никто и ни о чём не спрашивает.

Тётя снова меня подтолкнула, и я пошла прочь.

Мать приняла меня в своей опочивальне, лёжа на козетке. Когда я вошла, брезгливая скука на увядшем лице королевы сменилась любопытством, а любопытство — раздражением.

МАКС ДАЛИН

— Что ж, дочь моя, — сказала мать с досадой вместо приветствия. — Теперь роброны ценой в три тысячи золотых принято украшать пыльными ромашками?

— Это мне подарили, — еле вымолвила я, уже совершенно подавленная приёмом.

— Роскошный подарок, — процедила мать сквозь зубы. — Если вас радуют подобные подарки, дочь моя, ваши удовольствия будут стоить принцу Антонию недорого.

Я не знала, что ответить, и молчала.

— Вы по-прежнему свежи лицом, — сказала мать, — по-прежнему глупы и по-прежнему не умеете себя вести. Впрочем, ум ни к чему женщине, а того, что ценят мужчины, у вас в достатке.

Меня поразила ядовитая злость в её словах. Мало сказать, что я огорчилась, — я пришла в ужас. Мне хотелось бежать, но я не знала куда.

— Выбросьте сорняк, который вы прицепили к корсажу, — приказала мать ледяным тоном. — Переоденьтесь. Прикажите уложить себе волосы по моде: с этими косами вы похожи на крестьянскую девку. И не воображайте слишком много. Утончённости в вас нет и на ломаный грош, у вас курносый нос, круглые глаза, румянец, как у базарной торговки, а грудь в пору кормилице. Постарайтесь же хотя бы вести себя так, чтобы никто не подумал, будто вас подменили в колыбели.

Я покосилась в большое зеркало на стене. У меня были курносый нос, круглые глаза, румяное лицо и большая грудь, которая в глубоком вырезе нового

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

костюма выглядела неприлично большой. По сравнению с матерью, худой, бледной, томной, с узкими плечами и грудью, едва приподнимающей ткань атласной накидки, я выглядела совершеннейшей плебейкой.

Я поняла, почему отец не желает принимать меня всерьёз, а мать раздражается. Я поняла и ещё одно, несравнимо более ужасное обстоятельство: вряд ли и принц Антоний примет всерьёз девицу, у которой волосы выгорели на солнце, а лицо заметно обветрилось и потемнело. Мне не удастся никому доказать, что девица, похожая на пастушку, на самом деле способна мыслить и чувствовать, как аристократка.

Мать усмехнулась моему замешательству и злорадно сказала:

— Извольте привести себя в порядок.

Я вышла из её покоев, вынула ромашку из петельки корсажа и зачем-то сунула её между страниц молитвенника.

Вечер того дня остался в моей памяти как вертящаяся, сыплющая искрами шутиха.

Меня одели в белое платье, украшенное бриллиантами и жемчугом, не более лёгкое, чем рыцарские доспехи. Мою талию и грудь стянули так, что я едва могла дышать, сказав, что этого требует последняя мода, — и теперь, когда я шла, казалось, что нижние рёбра цепляются за верхние. Мои волосы, тоже плебейские, слишком большие, слишком густые, белёсые от солнца, долго укладывали в высокую причёску, в которую вплели сапфировую диадему. Украшение сжало

МАКС ДАЛИН

мне виски наподобие верёвки с узлами. В довершение всего, чтобы скрыть мой неприличный деревенский румянец, меня выбелили, а брови вычёрнили.

Я видела в зеркалах форменное чучело, крестьянскую девчонку, которую пытаются сделать похожей на придворную даму, — и у меня слёзы навёртывались на глаза. Но плакать было нельзя, чтобы не смыть слезами белил — я и не плакала. Моя душа вновь начала погружаться в апатию.

Патриарх Улаф прочёл мне длинное наставление. В исповедальне так сильно накурили ладаном, что я чувствовала тошноту и едва не упала в обморок. Патриарх сказал, что я должна быть кротка и покорна, ибо это главные добродетели женщины, а ещё — что я должна остерегаться похоти не менее, чем искушения адова.

Я едва знала, что такое похоть, но не посмела спрашивать. Со мною снова что-то делали, помимо моей воли и желаний; самое лучшее, что можно было предпринять в таком случае, по моему прежнему опыту — позволить душе погрузиться в сон.

Иначе начинает хотеться сотворить что-нибудь ужасное: разбить зеркало и порезать себе лицо, ткнуть священнослужителя чем-нибудь острым или огреть тяжёлым, а ещё хуже — посулить им всем демона и посоветовать отправляться в жилище упомянутого духа зла.

За обедом я ничего не ела. Мой живот стянули корсетом, в трапезном зале было слишком жарко, тяжело пахло жирной пищей, дорогими пряностями,

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

вином, потом, приторными духами и ещё чем-то душистым. Я сидела между отцом и матерью, отпивала по глоточку холодную воду из кубка и боролась с головокружением. Гости и приближённые моих родителей о чём-то много говорили, но я ничего не помню, кроме того, что надо было благодарно улыбаться, — и я улыбалась.

Обед длился несколько бесконечных часов. Потом все пошли смотреть огненную потеху. Я тоже пошла; мои ноги болели от модных туфель, а всё тело будто одеревенело. Начался фейерверк, всё окуталось дымом, нестерпимо запахло порохом — и я всё-таки упала в обморок впервые в жизни.

Удивительное ощущение. Меня что-то задуло, как огонёк свечи, а когда мой рассудок снова загорелся, оказалось, что вокруг меня не сад, а опочивальня. Шнуровку корсета распустили, с меня снимали платье — и камеристки говорили между собой, что я слаба, хоть и выгляжу здоровой.

Я никогда не казалась себе слабой, но мне было так плохо, что из головы моей не выходила печальная мысль об их правоте. С этой мыслью я и заснула, совершенно разбитая и несчастная.

Корабль отплыл на следующий день, на рассвете, с отливом, как и намечалось ранее.

Я впервые увидела море. Я ожидала невероятной синевы, как часто говорилось в поэмах, — но вода была серебристо-белёсая, тяжёлая, холодная. Волны не бились о берег, а неспешно плескали со стеклянным ше-

МАКС ДАЛИН

лестом, и рыболовы, белые с чёрными головками и чёрными кончиками крыльев, носились над пирсом с воплями, похожими на горестные стоны. Корабли казались странно маленькими по сравнению с этим безбрежным и равнодушным водным простором, прямо переходящим в белёдые северные небеса.

Меня провожали торжественно. Толпа простолюдинов снова кричала мне приветствия и добрые пожелания, но меня это уже не веселило. Тяжёлые предчувствия никак не хотели отпустить мою душу; я делано улыбалась и махала платком, пока корабль не отошёл от берега так далеко, что все и всё, оставленное мною дома, слилось в одну пёструю полосу.

Вскоре берег и вовсе исчез из виду, а наш корабль, поскрипывая такелажем, поймав ветер белыми крыльями парусов, скользил теперь среди сплошной воды бесшумно и стремительно. Мои фрейлины звали меня в крохотный покоец, обустроенный специально для нас между каютой капитана и каморкой, где спали офицеры, но я не пошла. Мне хотелось стоять и смотреть, как вода за бортом пенится и разлетается стеклянными брызгами. Капли, солёные, как слёзы, попадали мне на лицо, и ветер высушивал их...

Простите мне это маранье. Я так тщательно и скучно припоминала свой последний день перед отплытием отчасти потому, что уже тогда чувствовала кожей лица дыхание ужасного вихря, изменившего весь тщательно продуманный план моей жизни и показавшего мне мир непредсказуемой и необъяснимой стороной. Моя душа уже тогда, когда я стояла и смо-

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

трела на далёкий размытый горизонт, изнемогала от ощущения близости страшного чуда. Когда я пыталась намекнуть на тревогу и тоску своим дамам, им казалось, что я просто-напросто боюсь, что корабль утонет, и они дружно обвиняли меня в малодушии – но мысль о смерти казалась мне самой незначительной из всех моих страхов... и самой несбыточной.

АНТОНИЙ

Тем утром меня разбудила Булька: запрыгнула на кровать — и давай лизаться! Ну да, она-то, мошеница, уже выспалась, и ей было очень не по нраву, что я всё ещё сплю. Булька, видите ли, желала кушать и выйти на двор — и именно со мной, а не с дежурным лакеем.

Лизала меня и топталась по Шарлотте — картина! Вообще-то Булька не такая уж и мелкая, королевский пойнтер, вполне увесистая скотинка — из того заключаю, что пробуждение Шарлоты случилось повеселей моего. Это я уж про то не говорю, какая у неё оказалась помятая физиономия спросонья! На щеке отпечаталась подушка, а в волосах торчит перо.

Гусыня, сущая гусыня!

И эта гусыня ещё и голос подала:

— Доброе утро, ваше драгоценнейшее высочество! — и потянулась лобызать ручку, которую я отдёрнул: мастика для губ у ней размазалась до самого подбородка. — Мой бесценный принц, не могу ли я покорнейше попросить вас об одолжении: уберите, сделайте милость, суку из постели!

Скажите пожалуйста!

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

— А позволъ-ка уточнить, — сказал я с иронией, — какую это суку ты имеешь в виду? Сдаётся мне, что одну суку надо было убрать из постели ещё вчера вечером, перед тем как она заснула и вымазала мои простыни своими румянами!

Разумеется, дурёха тут же сперва покраснела и вытаращила глазки, а потом кинулась извиняться, лизаться и клясться. Сначала мне её с утра совершенно не хотелось, но потом пеньюар на ней распахнулся, и я всё-таки позволил ей заслужить прощение, ха! Грудь у этой белобрысой шлюхи — хоть куда, что ни говори.

Только потом выставил. Выскочила со всем своим скарбом — с тряпьем, с гребнями, раскосмаченная — на радость дежурным! Хотя они уже привыкли, наверное.

Я почесал Бульке животик и позвонил камергеру, чтобы тащил одежду. Вместе с камергером вломились мои бароны; я одевался и слушал, какие на свете новости.

Жерар болтал о чудесах: что наставнику Храма Всезрения Господня было видение — поток лучей, а в нём бабочка; что на площади Благовещенья монахи собирают милостыню для бабы, которая расшиблась на лестнице, став кривой и горбатой, а от Взора Господня с молитвою прозрела и выпрямилась; что где-то на северном побережье рыбаки видали Морского Змея — и другое забавное. Я слушал и улыбался; Жерар — хороший парень, умный и симпатичный, хоть его мамаша и из Приморья родом.

МАКС ДАЛИН

Потом Стивен рассказал, что в лавке на пристани купец с континента показывает клинки из узорной стали стократной проковки, которые легко разрубают лист меди. Что у купца там есть такие сабли, морские тесаки и разные ножи; стоит это бешеных деньжищ, но ведь какая красота!

Стивен – славный, но дубина. Он здоровеннейший парень, отменный боец, мой фехтовальный партнёр, лучше и требовать нельзя, он верный, любит меня истово – жаль только, что слишком глуп, бедняга. Ну что он мне это рассказывает? Денег-то вечно нет...

Конечно, было бы здорово сходить к этому купцу, посмотреть... Сабля из узорной стали, а?! Как у этого рыжего посла, который резал на спор пучок конского волоса в воздухе! Ну да, поглядеть, слюной покатать и сказать: «Ничего, ничего вещичка, но я пришла за ней потом». Или – что?!

Чужому купцу не скажешь: «Почтенный, тебе заплатят после!» Заартачится. Так что ж остаётся? Мои земли – одно название, дохода с них на сбрую для лошадей не хватает. К Толстому Ангелю идти заниматься – или к отцу клянчить?! Ну да, Ангель потом с тебя шкуру спустит, потребует Господь знает каких услуг, а отец не даст и скажет: «У вас, Антоний, есть имя и возможности!» Отец считает, что я должен жить как подёнщик, прикидывать, хватит ли денег на дюжину перчаток или полдюжины будет довольно! Вот жизнь у наследного принца! Медный грош впору ребром ставить, чтобы не совсем бедствовать. Пошло и глупо.

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Я уж совсем хотел его прервать, чтоб лишний раз не расстраиваться, но тут ко мне в будуар Эмиль ввалился, младший братец, будь он неладен! Булька на него тут же прыгнула, а он сел на корточки — и давай с ней лизаться и сюсюкать: «Булочка, Булочка!»

Я швырнул в Бульку перчаткой, чтобы не валялась перед всякой вошью на пузе и не мельтешила хвостиком, и спросил холодно:

— Что надо, Эмиль?

Ах, дамы и господа, ну как он всегда удивляется! Кукольными ресницами хлоп-хлоп:

— Отчего же вы не в духе, братец Антоний? Я хотел вас обрадовать, пришёл сказать, что Мартин приехал. Он же очень торопился, думал, опоздает на вашу свадьбу — это ему повезло, что корабль её высочества так задержался...

Я чуть не бросил в него второй перчаткой. Сразу угробил мне настроение наповал, тварь мелкая.

Терпеть Эмиля не могу. Сопля в сахаре. Мартин тоже не подарок, но он хоть родной брат, а этот убогий — сынок мачехи. И вылитая государыня, прах меня поberi! За что и любим батюшкой, сентиментальным на старости лет: «Ах, Лизабетта, у Эмиля совсем ваши глаза!»

Точно. Глаза совершенно бабы, влажный такой взгляд. Абсолютно как у мачехи. В тринадцать лет парень может хоть что-то соображать. Другие-то в тринадцать армиями командовали, а этот только кидается ко всем со своим сюсюканьем. Смотрит на людей, как

МАКС ДАЛИН

щенок пуделя — ах, как восхищённо и доверчиво! — и поминутно улыбается. Принц, прости Господи...

Когда вижу его, ужасно хочется ему врезать пару раз. Просто руки чешутся — чтобы расплакался! И ведь точно расплачется, хлюпик: ах, какое болезненное дитя, оружия страшнее вилки отродясь в руках не держал, на охоту не ездит — ему жалко. Жрать дичь ему не жалко, а убивать ему жалко! Вошь ничтожная. Лицемер поганый...

Жаль, что нельзя ему наподдать, этак запросто, по-семейному. Отец разгневается, не угодно ли... и приходится терпеть рядом эту дрянь, этого любимчика, из одной только сыновней почтительности.

Быстро отец матушку забыл. Нет, я всё понимаю, спать с кем-то надо, но зачем же короновать первую встречную шлюху из захудалого дома, а, дамы и господа? Таких принцесс в округе — как грязи.

А наш душенька Эмиль всегда приходит вовремя. Напомнил баронам, будь он неладен... И они тут же выразили сочувствие, скоты такие!

Альфонс, главное лицо по женской части в моей свите, отвесил поклон, чинил политес — и сказал со скорбной миной:

— Ах, ваше прекрасное высочество, похоже, со свободой вам придётся расстаться!

И Жерар поддакнул:

— Да, да, дорогой принц, пора, пора начинать делать детей не просто так, а во имя отечества и для блага короны! Пора, пора вам, бесценный друг, позаботиться о престолонаследии...

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Даже Стивен улыбнулся — «гы, забавненько!» — и выдал:

— Небось девственница? Хе!

Расстаться со свободой! Уже! Сию минуточку! Только штаны зашнурую! Подонки, ха-ха! Лишь бы сказать гадость своему принцу!

А Альфонс почмокал и добавил:

— Девственница, да ещё, говорят, сказочная красавица! Ваше великолепное высочество, я вам где-то в глубине души даже завидую! Знаете, в глубине... очень глубоко...

Конечно, так я и поверил! Красавица! Правда, портрет я видел, но, во-первых, эту сучку рисовали ещё щенком, а во-вторых, портрет никогда ничего не доказывает. Вот, не ходить далеко за примером, Эдгар, мой двоюродный братец, женился на дочери герцога Скального Мыса. На портрете была такая красавица — хоть в святом храме её выставь вместо статуи Божьего вестника, а в действительности оказалось, что двух зубов у неё нет и одна нога короче, ха-ха, представляете?! Приятно. Умный художник её для потомков запечатлел с закрытым ртом, а походку по картинке себе не представишь. Вот тебе и забота о престолонаследии!

Хотя эта уродина Эдгара вполне стоит, я считаю. Знаете, как говорят: демоны копыта сбили, чтобы парочку подобрать! Она хромая, он тощий, как жердь. Феерическое зрелище!

А государь Эдуард Прибережный известный политик, всегда себе на уме. Пишет отцу «мой августей-

МАКС ДАЛИН

ший брат», но блюдет лишь только собственные интересы. Отсюда следует всё остальное: наши послы эту принцессу не видели, а послы Эдуарда про хромоногую и рябую будут говорить «замечательная красавица», если им Эдуард прикажет. И ещё. Они, конечно, упоминали, что невеста воспитывалась в монастыре, имея в виду, что предлагают гарантированную девственность... Но кто её знает, на самом деле? Мало ли какой похотливый святоша там её исповедовал!

Не то чтобы мне было до всего этого особенно большое дело. Если бы я выбирал любовницу надолго, то уж точно не из девственниц: они ломаются, визжат, хнычут и ничего толком не умеют. Девственницы — это забава на разок, когда есть настроение объезжать норовистых, в узду и шпорами, чтобы не брыкались! А самые лучшие любовницы, которых можно терпеть какое-то время, — это девки, что ни говори. Девки и ещё, пожалуй, шустрые замужние дамочки, которые от девок недалеко ушли, вроде этой Шарлотты. С ними можно не тратить времени на ерунду вроде болтовни ни о чём.

Но жену по традиции, освящённой веками, нужно взять непременно девственницей, а потом всю жизнь смотреть на её постылую физиономию и как-то ухитряться выбирать свободные ночи, чтобы делать наследников престола. Короче, дамы и господа, это скучища смертная, просто то самое ярмо, которое бедный принц вынужден терпеть на своей шее ради заботы о престолонаследии и блага отечества, зараза!

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

И весь ближайший месяц старый идиот Оливер, любимчик отца и якобы дальновидный политик, замутился бляеть, какое это важное дело – забота о престолонаследии. Благие небеса! Если бы отец всегда его слушал – меня бы окрутили ещё в детстве! Просто повезло: они решили-таки, что надо дожидаться, пока вырастет эта Жанна, моя наречённая во Господе... Ах, наконец-то! Да неужели же она всё-таки выросла?! Просто поверить не могу, обгадиться и не жить, как я счастлив!

А Оливеру я так и сказал: «Дорогой герцог, если вас так уж интересуют мои постельные дела, то у меня уже человек пять детей! Можете отгадать, от кого из наших столичных дам!» У него, конечно, хватило ума устыдиться и поклониться – но он ещё имел наглость бормотать что-то о падении нравов. Разумеется! Забота о престолонаследии! Нет уж, дамы и господа! Если уж говорить начистоту, когда на упомянутом престоле сию не я – мне глубоко плевать кто! По самому большому счёту тут всё просто: или я, или чья-то посторонняя задница.

Отца я, разумеется, не считаю. Я – верный вассал... Но, если взглянуть с другой стороны – его заставили делать детей уже пятнадцати лет от роду, и это дало некие плоды. Я и пара моих братцев-обалдуев уже выросли и ждём неизвестно чего, а отцу ещё нет сорока. Да он просто из железа кован, не человек, а рыцарский меч! Он и десять лет ещё прожить может, и двадцать, и двадцать пять, и тридцать, если будет Господня милость – а я всё это время буду стариться

МАКС ДАЛИН

рядом, преданно заглядывать ему в глаза и чувствовать себя девой-неудачницей... Ну уж нет, я нелепых ошибок не повторяю и дурным примерам не следую.

Дети, знаете ли, детям рознь. Не все же такие почтительные и верные, как я, или такие блаженные идиотики, как Эмиль! Бывают на белом свете такие дети, — как их только милость Божия терпит! — которые устраивают заговоры, нанимают убийц и ни с каким сыновним долгом не считаются. Нет уж, нам этого не надо. Я бы вообще лучше женился совсем старый, тогда дети будут маленькими до упора. Пятилетний младенец не станет плести интриги против родного отца.

Этими здравыми мыслями я натурально ни с кем не делился. Вся светская челядь, которая крутится вокруг трона, — законченные подлецы, им ничего не стоит выдумать для твоих слов какой-нибудь потайной смысл и донести. А отец... он мудр, конечно, но крутоват и слишком много слушает сволочей из Малого Совета. Упомянутые же сволочи... стоит только посмотреть в бесстыжие глаза дядюшки Генриха, или дядюшки Томаса, или двоюродного брата Эдгара — и сразу понятно, о чём они думают. Что у них есть права на корону Трёх Островов, вот что! Призрачные такие права, почти бесплотные, условненькие — но есть. Королевская кровь. Вот если на их счастье отец нас с Мартином и Эмилем казнит и сам потом помрёт, то как раз дядюшка Генрих и усядется на мой трон... в смысле, на трон королевства своей тощей задницей. А если отчего-то и он скопытится — тогда уж Томасу

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

подвалит счастье! А дальше их выродки на очереди. И шанса всё это приблизить они ни за что не упустят.

Отца, положим, они ещё боятся. Делают вид, что уважают и преклоняются. Но меня, — меня! — я знаю точно, не ставят ни во что. Тот же Эдгар тихо ненавидит — не может забыть, как в детстве я его лупил. Ха-ха, шикарно! Между прочим, я его и сейчас могу отлупить — он это хорошо знает. Святой Фредерик говорил: «Король должен быть крепок телом!» А чтобы быть крепким телом, надо охотиться, драться на кулаках, рубиться на тяжёлых мечах, скакать верхом, а не читать дурацкие книжки. Выродок, светский дегенерат на тонких ножках, что он вообще может?! Такая же мразь, как Эмиль, в сущности. Недаром же он моего младшенького «так любит, так любит», что вечно с ним шушукается. Будь у Эмиля какие-нибудь мозги, я бы думал, что Эдгар его против меня настраивает, а так — настраивать нечего.

Мартин, конечно, ещё более или менее человек. Родной брат, всё такое. Но с другой стороны, он тоже та ещё скользкая зараза. Непонятно, в кого такой уродился: матушка была женщина простая, добрая, без вывертов, отец у нас вполне рыцарь, крутой и прямой, а этот — просто угорь какой-то. Никогда не скажешь по физиономии, что он думает.

Наверное, поэтому отец его вечно гоняет по провинциям с поручениями. Мартин уже всю страну облазил до самых замшелых медвежьих углов: то письмо отвезти, то передать какую-нибудь ерунду, то уговорить кого-нибудь прибыть ко двору, чтобы уладить

МАКС ДАЛИН

какую-нибудь свару. Если надо на континент, к Иерарху, например, так опять же посылают Мартина — и слава Богу, я считаю.

Вот уж не знаю, как и о чём я бы разговаривал с Иерархом!

Но это я отвлѣкся.

Мартин притащился к завтраку, а Эмиль у меня так и торчал всё это время, никак не отвяжешься. «Как вы можете, дорогой братец, так говорить о достойнейшей из женщин?!» Накрутил меня до белого каления, я уже чуть не рявкнул: «Ребѣнок, вали отсюда!» — но тут появился Мартин, а камергер объявил, что кушанье готово. Милый такой вышел завтрак в семейном кругу — любо-дорого смотреть! Эмиль на Мартина тарашится, как на святые мощи: «Ах, любезный братец, а что же, здорова ли герцогиня Маргарита? И по-прежнему держит в руках бразды правления? — я чуть не издох на этом месте! Нашего уродца перекормили уроками изящной словесности! Бразды! Не угодно ли? Это ещё выговорить надо! — А что же барон Олаф? Он подписал ленное право на Зелѣный Бор?» А Мартин посмотрел на меня, как я скармливаю Бульке кусочки паштета, потом на баронов — Жерар слушает, подпѣршись рукой, Альфонс салфетку в узелки вяжет, Стивен ковыряет в зубах с тоски — и высказался:

— Эмиль, если вам интересны конъюнктуры при дворе в Зелѣном Бору, зайдите ко мне вечером. Я покажу по карте новые границы лена, договорились?

— Мартин, — говорю, — а ты доход с Белого Дола получал?

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Мартин на меня посмотрел, как умеет только он — вроде бы сочувственно, а вроде бы насмешливо:

— Сколько вам нужно, Антоний?

Ну и всё, уже совершенно не хочется с ним говорить о деньгах. Вид такой, будто я у него клянчу. Вот уж нет!

— Нисколько, — говорю. — Я так спросил. Урожай в Белом Доле или как?

Сказал и ужаснулся — не дай Господи, сейчас начнёт рассказывать об урожае и прочем подобном — но Бог миловал. Мартин только улыбнулся своей змейской улыбочкой и пожал плечами:

— Ну какой урожай в июне, о чём вы говорите, Антоний... Может, ваши насущные расходы не особенно принципиальны?

И совершенно без толку было ему объяснять про оружие с континента и ещё кое-какие необходимые траты. Всё равно не поймёт, ну его!

А Мартин сказал:

— Булька — милая собака... очень милая, Антоний, — будто я — старая барыня, и надо похвалить мою моську, чтобы ко мне подольститься!

Послал же Господь братцев! Один — стервец, второй — блаженненький. В конце концов я почувствовал, что больше душа не терпит, и сказал тоже с ядом, чтобы они ощутили моё недовольствие:

— Знаете, я уже сыт по горло, так что позвольте откланяться. Можете тут заканчивать, а я пошёл, — свистнул Бульку и ушёл во двор со своими баронами. И пусть, думаю, эти двое обсуждают Маргариту,

МАКС ДАЛИН

ленное право, урожаи — всё, что им в голову придёт. Пусть болтают, пока языки не отвалятся. А я займусь чем-нибудь более достойным наследного принца, чем эта ерунда.

Фехтованием, к примеру. Король должен быть крепок телом.

Сперва я слегка размялся. Мы с Жераром поиграли в фехтовальный поединок; у него симпатичный стиль и есть несколько изящных личных фишек вроде укола в лоб или в шею под кадык. Потом Стивен притащил палки, и мы помахались палками — весело. Удар у Стивена — вполне ничего себе, пару раз я еле его удержал.

Альфонс не стал с нами резвиться, стоял поодаль, нюхал платочек, смоченный в лавандовой воде, загадочно улыбался и на все вопросы отвечал, что собирается благоухать, если сегодня и впрямь прибудет корабль моей континентальной кобылы... ах, конечно же, очаровательнейшей принцессы Жанны. Мерзавец!

Веселились до полудня, потом решили, что проводим время недостаточно благочестиво, и пошли слушать проповедь в соборе Честной Десницы Господней, нашем придворном храме. Проповедовал мой духовник, брат Бенедикт, а его проповеди я старался по возможности не пропускать. Славный у меня священник: сорок лет, рожа круглая и красная, не дурак выпить-закусить, балахон на брюхе еле сходится, весёлый, а на проповедях такие шутки отмачивает —

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

прихожане фыркают в платочки, чтоб не хохотать в святом храме. И исповедоваться Бенедикту — одно удовольствие, его все обожают, от моих приближённых до последнего солдата: что ему ни скажешь — на всё он отвечает: «Бог с тобою, больше не греши», всё понимает, сам живой человек.

В тот раз он говорил о падении и развращении нравов, и здорово говорил. Мы заслушались. Ну ясно, человека Господь вдохновляет — оттого речь получается вдохновенная. Совсем то, что я сам думал, только так замечательно разъяснить не умею. Тело, он говорил, это храм Божьей благодати, его надлежит держать в чистоте. Мол, все новомодные противостественные штучки вроде кружевных жабо на мужских костюмах — это, в сущности, проделки Той Самой Стороны: стоит человеку начать себя украшать всякими такими вещами, как он впадает в соблазн и разврат, теряет мужество, и вообще — это всё равно что женщине открывать себе ноги по самые ляжки и показывать грудь первому встречному. Грех перед Богом и перед людьми срам.

Альфонс, правда, тихонечко сказал, что лично он не возражал бы, если бы женщины открывали себе ноги по ляжки, особенно хорошенькие женщины, а уж грудь бы — это совсем хорошо. Тогда Жерар возразил, что на ноги всегда можно посмотреть и так, стоит задрать юбку, а ходить по улице почти нагишом станет только законченная шлюха, грязная, как свинья. И мне пришлось тыкать их в бока, чтобы они заткнулись и перестали смешить меня в храме — но тут я